

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.7>

Химич Галина Александровна

Образ библейского царя и псалмопевца Давида в русской поэзии XVII-XX вв.

В статье рассматривается значение образа царя и псалмопевца Давида для русской поэзии как для различных эпох, так и в целом с XVII в. по XX в. Для исследования были выбраны три основных параметра изучения: взаимосвязь популярности образа в разные эпохи с укоренившейся в русской культуре традицией поэтического переложения псалмов; переложения различными авторами 151 псалма, фигурирующего только в Септуагинте и не признанного каноническим за пределами православного мира; причины и суть отождествления поэта с псалмопевцем. Проведенное исследование позволяет сделать вывод об основных тенденциях развития русской духовной поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 30-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. **Филатов А.** Здравствуй, Поднебесная! [Электронный ресурс] // Утро России. URL: <http://www.ytro-rossii.ru/2006/06/14/здравствуй-поднебесная/> (дата обращения: 05.02.2017).
20. **Хужахметов А. О., Гиндуллина Р. А.** Своеобразие эволюции лирики Мустая Карима // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 94-98.
21. **Ци Цзюньин.** Темы и мотивы поэзии Ли Яньлина // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX Региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 23 мая 2018 г.): в 3-х т. Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2018. Т. 1. С. 118-120.
22. **Цюй Фань.** Образ Благовещенска в поэзии китайских авторов конца XX – начала XXI века // Современная русская культура: сб. мат. Недели современной русской культуры. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 80-86.
23. **Чжан Ливэй.** Поэтическая антология «Везде цветёт июньская сирень» как феномен трансграничного культурного обмена // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Межд. науч.-практ. конф. (г. Благовещенск, 20-28 мая 2019 г.) / отв. ред. Д. В. Буяров, Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. Вып. 9. Ч. 6. С. 163-167.

Specificity of Author's Self-Identification in Lyrical Works by Lee Yanling – “The Chinese with the Russian Soul”

Samoilenko Tat'yana Vyacheslavovna
Heilongjiang University, Harbin, the People's Republic of China
tatyana.samoilenko.91@mail.ru

The article is devoted to analysing Lee Yanling's poetry. To achieve this research objective, the author examines peculiarities of the poet's artistic world. The comprehensive approach to analysing evolution of the lyrical hero's image within the framework of studying the process of the poet's self-identification conditioned relevance and scientific originality of the paper. It is shown that the leitmotif of Lee Yanling's poetry is friendship between Russia and China, his artistic world is centred on the images of the Amur and Blagoveshchensk, evolution of the lyrical hero's image illustrates the process of Lee Yanling's self-identification as “the Chinese with the Russian soul”.

Key words and phrases: poetry; artistic world; artistic image; lyrical hero; lyrical “me”; lyrical “we”; self-identification; literature of the Amur region; Lee Yanling.

УДК 8; 821.134.2

Дата поступления рукописи: 10.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.7>

В статье рассматривается значение образа царя и псалмопевца Давида для русской поэзии как для различных эпох, так и в целом с XVII в. по XX в. Для исследования были выбраны три основных параметра изучения: взаимосвязь популярности образа в разные эпохи с укоренившейся в русской культуре традицией поэтического переложения псалмов; переложения различными авторами 151 псалма, фигурирующего только в Септуагинте и не признанного каноническим за пределами православного мира; причины и суть отождествления поэта с псалмопевцем. Проведенное исследование позволяет сделать вывод об основных тенденциях развития русской духовной поэзии.

Ключевые слова и фразы: русская литература; поэтические переложения псалмов; влияние Библии на русскую литературу; Симеон Полоцкий; образ псалмопевца Давида; царь Давид; Библия и литературы.

Химич Галина Александровна, к. филол. н., доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
khimich-ga@rudn.ru

Образ библейского царя и псалмопевца Давида в русской поэзии XVII-XX вв.

Поэзия – одна из древнейших и наиболее загадочных форм выражения мысли, неразрывно связанная с музыкой, ритмом, мистерией. Поэтические тексты чаще других встречаем мы в ритуальных богослужениях, нередко вместе с пением и танцем. Понимание как самого термина поэзия, так и ее предназначения изменяется в разные эпохи. Но вопрос о сути и функциях поэзии актуален все время ее существования. Для более детального рассмотрения этого вопроса нам представляется возможным использовать теорию А. М. Панченко, разграничившего в культуре Руси духовную сферу и сферу «скоморошества» и «глумства» [11, с. 5], и условно разделить русскую поэзию на поэзию «духовную» и «светскую». Основанием для подобного деления может служить различное понимание авторами функций поэтического текста, что ведет к различию в тематике и технике написания произведений. Представители духовной поэзии понимали стихотворения как ритмически организованную лирическую молитву. «Доставлять чистый воздух горнего мира человеку дано молитве. И молитва поручает поэзии быть ее помощницей», – писал архиепископ Иоанн Сан Франциский [4, с. 525].

Как отмечает А. М. Панченко, подобную концепцию писательского труда принес в Россию именно Симеон Полоцкий. «Эта концепция имела целью доказать, что писательский труд может рассматриваться как личный нравственный подвиг, как камень, полагаемый в здание грядущего совершенства общества. Сущность операции, которая должна была внушить русским традиционалистам идею, что поэзия благословенна свыше, состоит в отождествлении Слова Божия и Слова как первоэлемента словесности» [11, с. 177].

Обращения к библейскому образу царя и псалмопевца Давида мы будем наблюдать на протяжении четырех веков развития русской поэзии. Без преувеличения можно сказать, что царь Давид – наиболее популярный у русских авторов библейский персонаж. Среди основных причин подобного выбора можно назвать следующие:

- огромная популярность в России Псалтири, поэтической книги, которая, хотя и не была полностью написана царем Давидом, но всегда связывалась с его именем и авторитетом;
- принадлежность Давида к рангу поэтов (псалмопевцев);
- пестрота сюжетов и событий из библейского жизнеописания царя Давида;
- популярность данного образа в древнерусской литературе.

Цель исследования: определить роль образа псалмопевца Давида в русской поэзии XVII–XX вв.

Задачи работы:

1. Описать причины обращения русских поэтов к образу царя и псалмопевца Давида.
2. На основании обращения поэтов к образу Давида обозначить основные тенденции развития русской духовной поэзии.

Актуальность. Более детальный анализ роли образа псалмопевца Давида мог бы открыть новые горизонты смыслов в отечественном поэтическом творчестве. Но, несмотря на это, подробно ознакомившись с материалами как по теории поэтического искусства, так и по непосредственному анализу текстов, мы не нашли ни одного специального исследования, посвященного данной проблеме, хотя значимость образа Давида и отождествление псалмопевца и поэта в русской духовной поэзии подчеркиваются неоднократно. Заметим также, что обобщающих теоретических работ по духовной поэзии очень мало. В основном можно встретить анализ текста или творчества отдельного поэта. Данные положения и определяют **научную новизну** исследования.

Метод исследования, применяемый в данной работе, – это историко-сравнительный анализ поэтических текстов XVII–XX вв., связанных с образом царя Давида.

Методологической основой работы стали теоретические исследования поэзии Ю. М. Лотмана, Б. Н. Романова, А. М. Панченко и др. авторов; работы М. Н. Громова, Ш. Маркиша, исследующие культурно-историческое значение Псалтири; а также комментарии и размышления над текстами псалмов А. П. Лопухина, А. Меня, К. С. Льюиса и др. авторов.

1. Взаимосвязь популярности у русских поэтов образа царя и псалмопевца Давида и распространения традиции поэтического переложения библейских псалмов

«С Псалтирью связано само возникновение и развитие русской поэзии, – пишет Б. Н. Романов. – Хотя и не всегда эта связь кажется нам очевидной» [14, с. 7]. Нам известны тысячи текстов поэтического переложения псалмов на русском языке начиная с XVII века и до наших дней [21; 22], не говоря уже о скрытых и явных цитатах и реминисценциях из Псалтири. Столь частое обращение поэтов к псалмам не случайно, ведь сами псалмы были написаны в стихах и исполнялись под музыку. Не случайно и его греческое название: «псалом» – «бряцание по струнам», «псалтирь» – название музыкального инструмента, под который исполнялись псалмы. Как справедливо отметил К. С. Льюис, «псалмы – это лирика со всеми ее условностями, гиперболоми, внелогическими сочетаниями слов» [9, с. 7].

В предисловии к своей «Псалтири в стихах...» Гавриил Пакатский отмечает: «Сама по себе Псалтирь есть обширное поле для стихотворческих занятий. Она есть наипрекраснейший вертоград, представляющий их умозрению райские цветы и благоприятнейшие амвры. Она есть небесная манна, каждого из них вкусу достаточно удовлетворяющая; она есть зеркало сердечные чувства и сокровенные движения изображающее; она есть пространнейший амфитеатр, живейшие картины мысленным очам любопытных зрителей представляющий; она есть небо, два оные великие светила, солнце и луну с бесчисленными звездами мысленному взору нашему открывающее...» [12, с. 1]. Современный поэт, переложивший Псалтирь, пишет: «Псалмы, как горный поток, который течет и никогда не иссякает, утоляя жажду всех, кто припадает к нему... Псалмы – это поэзия, в которой слышна небесная музыка, разлитая, как океан, по всей вселенной, неповторимая в своей гармонии, как пенье ангелов» [8, с. 5-6].

Первым последовательным поэтическим переложением псалмов на русский язык стала «Псалтирь рифмованная» Симеона Полоцкого. Среди причин, побудивших его к написанию этого труда, автор называет тот факт, что в оригинале на древнееврейском Псалтирь была написана в стихотворной форме. Таким образом, с одной стороны, Симеон Полоцкий возродил древнейшую традицию, а с другой – он стал основателем целого направления стихотворных переложений Псалтири на русском языке, принадлежащих перу авторов XVII–XX вв.

На призыв Симеона Полоцкого откликнулись многие русские поэты, и откликнулись не только формальным обращением к Псалтири. Псалтирь, ее темы, сюжеты и образы стали альтернативой в русской литературе мотивам языческой античности. «Русские поэты... относились к ним как к сугубо эстетическому явлению, и совсем по-иному ощущали образный и духовный мир Священного Писания», – пишет исследователь переложений Б. Н. Романов [13, с. 25]. «Псалмы становились источником мыслей, образов и, конечно, недостижимым образцом духовной поэзии, а не просто неким подстрочником, требующим стихотворного

изложения» [14, с. 29]. Так, А. Ф. Мерзляков писал: «Давид... один может заменить для нас Пиндара, Алцея и Флаккия. Божественная Псалтирь его представляет образцы для всех родов лирического песнопения» [2, с. 64].

Мерзляков отмечает очень важную, на наш взгляд, особенность Псалтири: по причине того, что как сам Давид, так и его поэтическая школа откликнулись псалмами на все события личной и общественной жизни, псалмы отличаются многообразием своих художественных форм. Здесь есть элегии (покаянные псалмы – 6, 31, 37, 50 и т.д.), псалмы-восхваления, приближающиеся к нашим одам (17, 18, 103, 104 и т.д.), есть подобие наших песен, только с религиозным сюжетом (8, 44 и т.д.), есть мессианско-пророческие псалмы (2, 15, 21 и др.). Несомненно, столь разнообразный жанровый характер псалмов стал еще одним фактором, позволившим разным поэтам на протяжении всей истории русского стихотворства обращаться к Псалтири.

Назовем лишь несколько наиболее известных имен авторов, писавших переложения псалмов: Симеон Полоцкий и А. С. Грибоедов, А. П. Сумароков и В. Я. Брюсов, В. К. Тредиаковский и Ф. Сологуб, В. К. Кюхельбекер и В. Иванов и многие другие. И именно школа стихотворного переложения псалмов, возникшая в XVII в. и не умершая до сих пор, явилась продолжением древнерусской духовной поэзии, став, как отмечает И. З. Серман, «переходным мостиком, соединяющим звеном между поэзией “книг церковных” и новой русской поэзией» [16, с. 100].

С образом царя и псалмопевца Давида связано само понимание функции литературы как авторами, так и их читателями: русская литература, а в XVII-XVIII вв. исключительно поэзия, в народном сознании всегда обладала христианско-морализаторским и духовно-мессианским началом. Ю. М. Лотман отмечает, что творчество поэта никогда не считалось в России ремеслом, поэт вещал от лица Истины. «В литературной традиции XVIII в. прочно сложилось представление о том, что авторитетность поэтического текста, право говорить от лица Истины завоевывается самопожертвованием, личным служением добру и правде и в конечном счете подвигом. <...> Профессионализм в поэзии, равно как и оплата литературного труда, воспринимались как нечто противоположное самой сути ее высокого предназначения. <...> Представление о поэзии как о языке богов из обычной барочной метафоры превращается в библейскую идею поэта-пророка. Язык богов превращается в язык Бога» [7, с. 256-257].

Многoplanовость и всеохватность самой книги, разнообразие тем, жизненных ситуаций и переживаний, в ней представленных, обусловили различия в поэтических трактовках псалмов, не говоря уже о самом выборе того или иного псалма. «О псалмах можно судить с самых различных точек зрения, жестокий выбор и самоограничения неизбежны» [10, с. 6].

Естественно, что поэтические переложения псалмов различными авторами не похожи друг на друга. Так, Симеон Полоцкий и М. Дмитриев стремились максимально приблизить свои переложения к оригиналу, сохраняя сакральное отношение к Священному тексту, свойственное древнерусской литературе. В псалмах М. Ломоносова уже явно звучит личностное начало, у И. Богдановича и В. Майкова псалмы – это философские размышления в духе масонской поэзии, однако еще очень близкие к тексту, у Л. Мея – это эпические баллады, написанные не без доли романтики. Совсем по-иному звучат обращения к Псалтири XX века – это уже не переложения, а, скорее, размышления на тему псалмов, свободный полет мысли и фантазии, постоянный перенос во времени и в пространстве (за исключением случаев стилизации под оду XVIII в.).

Прослеживается тенденция все большего отдаления от текста Библии и привнесения в поэтические переложения псалмов своих собственных размышлений, переживаний, суждений. Данный факт может быть объяснен рядом причин. Несомненно, одна из них – изменение отношения к Священному Писанию: из неприкосновенной святыни оно становится для одних историческим памятником, для других – живым учителем жизни, призывающим к диалогу и даже спору. И это предполагает относительно свободное обращение с текстом и размышление над его страницами.

2. Поэтические переложения 151 псалма

Симеона Полоцкого можно также считать основателем традиции поэтического переложения 151 псалма, добавленного в православной традиции к каноническому тексту Псалтири (150 Пс.). Псалом рассказывает о важнейших событиях жизни царя Давида от первого лица, и, возможно, именно поэтому он был так любим всеми русскими поэтами. Как и все другие переложения, 151 псалом у Симеона Полоцкого максимально приближен к оригиналу.

Традицию поэтического переложения 151 псалма горячо поддержали и другие русские поэты. К нему обращались А. П. Сумароков («Из Пс. сверх 150. Мал бех во братии моей...»), Н. Шатров («Подражание последнему псалму»), Г. Пакатский («Собственное сказание Давидово о самом себе»), А. С. Грибоедов («Давид»), И. Бороздина («Пс. Давида на единоборство с Голиафом»), Л. Мей («Я меньше братьев был, о Боже...»), Ф. Н. Глинка («Победа»), Д. Р. Ознобишин («Гусли Давида»), В. Я. Брюсов («Псалом Давида»). Большинство переложений приближены к оригиналу. Некоторые переложения выделяются особо.

В «Подражании последнему псалму» Н. Шатрова автор не просто находит в Псалтири созвучные эпохе образы, но использует их аллегорически. Его «Подражание...» – скорее, размышления о судьбе, о силе, о Суде Божьем и хвала Творцу. Создается впечатление, что стихотворение посвящено не царю Давиду, а битве со злом (в лице Голиафа) и гибели тиранов. Остальные же положения 151 Пс. лишь вскользь упоминаются. Псалом окаймлен своеобразным зачином и моралью в конце:

*Не забывают, великаны,
Могущих Божеских судов;*

*Не долговременны тираны,
И гром для них всегда готов.
Тогда злодей для нас опасен
И страшный Голиаф ужасен,
Когда казнится Богом грех [23, с. 75]...*

«Победа» Ф. Н. Глинки, как и многие другие его стихи, навеянные Псалтирью, также не является точным переложением 151 Пс. Глинка уходит от буквального следования оригиналу, но добивается особой выразительности. Он прочитывает псалом Давида в романтическом и лирическом ключе. Давид представлен как росший в одиночестве и смиренно пасший овец «беспечный сын природы», которого «Бога дивного рука» бросила «прямо в битву, в бой кровавый» со «страшным злодеем». Стихотворение Глинки проникнуто новым, не свойственным всем предшествующим переложениям лирическим мироощущением и особой выразительностью. А. С. Пушкин называл подражания псалмам Глинки «элегическими».

В «Гусях Давида» Д. П. Ознобишина 151 Пс. представлен как песнь Давида перед Саулом. Поэт комбинирует 151 Пс. с сюжетом из 1 книги Царств, где Ионафан приводит к Саулу певца и музыканта Давида, дабы тот смирял его ярость своими песнями.

Характерно, что все три варианта наиболее свободного и отдаленного от текста поэтического осмысления 151 Пс. приходится на 20-30-е гг. XIX в., когда в результате изменения литературной ситуации духовная поэзия стала очевидным анахронизмом. Несмотря на это, к образу Давида продолжают обращаться весь XIX век. Но мало кто уже ставит перед собой задачу изложить Псалтирь или иной библейский текст стихами максимально близко к тексту. Библейские образы используются больше для построения сравнений и аллегорий, связывающих Священное Писание со злободневностью. В ветхозаветных темах поэты выражают философские и религиозные взгляды на мир. Но все же духовная поэзия не исчезает, но переходит на качественно новый этап своего развития.

3. Отождествление поэта с псалмопевцем

Размышляя над псалмами, читатель находит в них отклик своим переживаниям и невольно соотносит слова Давида с собственными, его духовную судьбу – со своей судьбой. Углубляясь в размышления, читатель Псалтири (поэт, перелагающий псалмы) начинает отождествлять себя с Псалмопевцем и даже обращаться к Богу от своего имени. Это и есть психологический момент, объясняющий нам факт отождествления поэта с Псалмопевцем. «Поэт как бы и перевоплощался в боговдохновенного Давида, и оставался самим собой», – пишет Б. Н. Романов [14, с. 21].

А. П. Лопухин [19, с. 140] в статье, предпосланной толкованию Псалтири, отмечает особенность текста псалмов: Псалтирь свободна от временной зависимости, чисто личных воззрений авторов и случайных черт, понятных лишь современникам Давида. На наш взгляд, это свойство текста в сочетании с личной формой его написания, которая всегда располагает к соотношению автора с читателем, и молитвенным настроением большей части псалмов и послужили причиной отождествления Поэта и Давида и приписывания Поэту пророческой функции.

На вторую немаловажную для нас особенность текста Псалтири указывает Шимон Маркиш: «Система времен глагола в языке Библии либо не до конца прояснена, либо вообще не поддается окончательному прояснению. <...> Часто невозможно решить, идет ли речь о настоящем, о будущем или же об особом континууме, покрывающем и настоящее и будущее» [10, с. 11]. Это свойство текста и делает возможным соотношение времен и действующих лиц.

Явление отождествления своего голоса, голоса поэта и песен Давида находим уже в XVII в. у Симеона Полоцкого («Из Пс. 38»). Но Симеон Полоцкий ещё не обладает полной свободой в отношении текста Священного Писания, и поэтому его поэтическое обращение к Богу обличено в форму песни Давида. Но чем больше поэт погружается в смысл псалма, тем более отчетливо начинают звучать личные нотки автора, которые, однако, не идут вразрез с общим настроением песни Давида. Последние же строки:

*Услышь, Господь! Мой скорбный глас.
С меня ты свергни гнева бремя
Доколь мой не ударит час [15, с. 102] –
звучат не иначе как личная просьба Симеона Полоцкого.*

Уже в XVIII в. поэты, не закрепощенные прямым следованием тексту Библии, начинают использовать псалмы для выражений своих собственных мыслей. И псалом звучит зачастую не от лица Давида, а от лица самого поэта. Пример находим у Тредиаковского («Пс. 143»). Автор словно полемизирует с Давидом, просящим у Бога: «Да будут сыновья наши как разросшиеся растения в их молодости... Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших...» (Пс. 143: 12, 13, 14), – утверждая, что не тот блажен, кто богат, но кто с Господом. Как мы можем заметить, «автор» псалма постоянно меняется: то это Давид:

*Боже! кто я, нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом быть учрежденный!
Как? о! как могу быть Царь [20, с. 88]?*

– то сам Тредиаковский, полемизирующий с Давидом:

*О! Не вы, не вы блаженны,
Вы коль не обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
Бог с которым пребывает* [Там же, с. 92]...

XIX – век размышления над текстом Писания о Боге, о святости или о злободневных вопросах. К тексту Псалтири обращаются как истинно верующие поэты, так и номинальные христиане. Этим и объясняются столь разные по своим темам и характерам размышления над Священным Писанием.

В стихотворении «Ветхозаветные песнопевцы» Кюхельбекер прямо говорит о том, что язык поэзии должен быть созвучен с псалмами Давида, из чего следует то, что и Поэт должен уподобляться Песнопевцу:

*К его (Давида. – Г. Х.) глаголам я язык свой приучаю:
«Почто прискорбна ты, – и я, как он, вещаю, –
И почему меня мутишь, душа моя?
На Бога уповай: Его прославлю я.
Неизреченный! Ты мой щит, моё спасенье...»* [5, с. 157].

Нотки личных переживаний и персонального обращения к Богу слышатся и в других стихотворениях Кюхельбекера: «К Богу», «Пс. 143». В стихотворении «Упование на Бога» Кюхельбекер к песне Давида присовокупляет концовку, содержащую наставление поэту, написанную явно от своего имени:

*Гремите же, святые струны,
Пред Богом: Он хранит певца!
Раздайтесь до миров конца;
Летите, звучные перуны,
Разите гордые сердца* [6, с. 240]!

Подобный прием встречаем мы у многих авторов XIX в. Так, например, Ф. Н. Глинка («Песнь Давида») к благодарственной песне Давида прилагает свои комментарии и выводы, весьма характерные для его времени:

*Так вейся же до горних сводов
Песнь благодарная певца,
И внукам возвести народов,
Как нас хранит любовь Творца!..
Не гнись же, человек несчастный,
Перед несчастьем земным,
Когда, под дланию всевластной,
Всевластным Богом ты храним* [3, с. 81]!..

Некоторые поэты, наоборот, включают текст псалмов в проникнутое собственными размышлениями стихотворение, которое уже не отличается ни ветхозаветной образностью, ни настроением. В этом случае мысли псалмопевца оказываются созвучными мыслям автора. Примером подобного использования речи Давида может служить стихотворение Л. Бутовского «Неисповедимые пути Господни»:

*Как в школе всей жизни, готовимся мы
К приятию славы небесной:
«Ты душу мою изведи из тюрьмы!» –
Поёт Псалмопевец чудесный.
«Скажи мне кончину мою: сколько дней
Здесь буду я, бедный, скитаться...
И долго ли буду во мраке скорбей
Блаженной отчизны лишаться?»
Так пел царь Давид, так душою поём
И мы все – для чувств незаметно* [1, с. 47-48]!..

Заключение

Наше исследование показывает, что русские поэты обращаются к образу Давида как к поэту, псалмопевцу. Их не интересуют его военные подвиги, им не важны ни его происхождение, ни его царский титул. Важно лишь то, что Давид – праведный, угодный Богу поэт, автор Псалтири – одной из самых распространенных и любимых на Руси книг. Многие русские поэты признают Псалтирь образцом поэзии, а псалмопевца Давида – своим учителем и наставником. Таким образом, в XVII-XX вв. именно с этим именем связано представление об эталоне поэта.

В результате анализа образа библейского царя и псалмопевца Давида в русской духовной поэзии обозначились общие тенденции развития русской религиозной поэзии. В период с XVII по XX вв. наблюдается всё большее отдаление от текста Священного Писания: от воспроизведения поэты переходят к сравнениям и аллегориям, философскому анализу, привнося свои собственные размышления, переживания, суждения.

В XVII в. поэты максимально приближаются к тексту, Библия для них – не материал для выражения мыслей, но сами мысли. В XVIII в. Священное Писание используется для выражения собственных суждений. В XIX в., не будучи связанными текстом, поэты размышляют над сюжетами и образами Ветхого Завета, строя яркие сравнения, проводя явные параллели и аллегории с современностью. Библия становится ключом к пониманию окружающей действительности и источником сравнений и аллегорий, частично заменяя античность. XX в. представляет нам неоднозначное, даже контрастное понимание образа библейского царя и псалмопевца Давида и его значения для русской поэзии. В поэзии Серебряного века использование библейской лексики и библейских сюжетов – зачастую дань моде или стилизация под древность. Поэтические переложения псалмов постсоветского периода показывают, что традиция, идущая в русской поэзии от Симеона Полоцкого, не закончила свое существование в Серебряном веке, но будет продолжена.

Список источников

1. Бутовский Л. И. Стихотворения: в 2-х ч. СПб.: Тип. духовн. журн. «Странник», 1871. Ч. 2. 112 с.
2. Вестник Европы. 1812. Ч. 66.
3. Глинка Ф. Н. Сочинения: в 3-х т. М.: Тип. газ. «Русский», 1869. Т. 1. 490 с.
4. Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 574 с.
5. Кюхельбекер В. К. Ветхозаветные песнопевцы // Ветхий Завет в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 154-157.
6. Кюхельбекер В. К. Упование на Бога // Псалтирь в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 239-240.
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
8. Лукашин А. И. Псалтирь в поэзии: псалмы, перелож. в стихи. М.: АС плюс, 1996. 220 с.
9. Льюис К. С. Размышления о псалмах // Мир Библии. 1994. № 1 (2). С. 7-38.
10. Маркиш Ш. «Господь – сила моя и песнь...» // Книга Псалмов / перевод в стихах Н. Гребнева. М., 1994. С. 1-18.
11. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л.: Наука; Ленинградское отд-е, 1973. 281 с.
12. Псалтирь в стихах с приложением при каждом псалме содержащегося в нем исторического, таинственного и нравственного смысла и с объяснением неудоброзвучительных некоторых речений, переложенная лишенным зрением священником Гавриилом Пакатским. СПб.: Типография Императорского воспит. дома, 1818, 256 с.
13. Романов Б. Н. Ветхий Завет в русской поэзии // Ветхий Завет в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 5-60.
14. Романов Б. Н. Псалмопевец Давид и русская поэзия // Псалтирь в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 5-57.
15. Русские поэты конца прошлого и начала нынешнего столетия и их лирические стихотворения, написанные в духе псалмов, составляющих Псалтирь: сборник биографий и лирических стихотворений русских поэтов. СПб.: Тип. А. Гейротъ, 1872. 189 с.
16. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова / Академия наук СССР, Институт русской литературы; отв. ред. П. Н. Берков. М. – Л.: Наука, 1966. 260 с.
17. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 280 с.
18. Симеон Полоцкий. Псалтирь рифмовторная // Памятники литературы Древней Руси: XVII век / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1994. Т. 12. XVII в. Кн. 3. С. 55-186.
19. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3-х т. / под ред. А. П. Лопухина. СПб.: Печ. Графического ин-та, 1906. Т. 3. 441 с.
20. Тредиаковский В. К. Псалом СХLIII // Псалтирь в русской поэзии XVII-XX вв. / сост. Б. Н. Романова. М.: Ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 86-92.
21. Химич Г. А. Поэтические переложения библейских псалмов в русской литературе. Предпосылки возникновения и зарождение традиции // *Eslavistica Complutense. Publicaciones Universidad Complutense de Madrid*. 2005. Vol. 5. P. 31-45.
22. Химич Г. А. Поэтические переложения псалмов библейского царя Давида в Рунете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2002. № 6. С. 154-157.
23. Шатров Н. М. Стихотворения: в 3-х ч. СПб.: Тип. Имп. Российской Академии, 1831. Ч. 2. 138 с.

King David the Psalmist's Image in the Russian Poetry of the XVII-XX Centuries

Khimich Galina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
khimich-ga@rudn.ru

The article examines the meaning of King David the Psalmist's image for the Russian poetry of the XVII-XX centuries. The paper focuses on studying three basic problems: influence of the Russian tradition of psalms poetical translation on the popularity of Psalmist's image in different epochs; authors' translations of Psalm 151, which exists only in Septuagint and is not recognized as canonical one outside the Orthodox world; causes and essence of a poet's identification with Psalmist. The conducted research allows concluding on the basic development tendencies of the Russian spiritual poetry.

Key words and phrases: Russian literature; poetical translations of Psalms; influence of the Bible on the Russian literature; Symeon of Polotsk; David the Psalmist's image; king David; Bible and literatures.